

Ян Анеж

САДОВНИК

18+

Ян Анеж
Садовник

«Автор»

2026

Анеж Я.

Садовник / Я. Анеж — «Автор», 2026

Великий Император, повелитель нескольких миров и сильнейший боевой маг, прошедший через тысячи кровавых войн, смертельно устал от железной диктатуры. Ему надоело править кровью, наводить порядок силой и держать в страхе целые миры. Во время очередного Излома он открывает случайный пространственный портал и... шагает под колеса магазинной тележки в обычном подмосковном супермаркете. Теперь он — Игорь, скромный садовник на одном гектаре земли, принадлежащем строгой бизнес-леди Ариадне.

© Анеж Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ян Анеж Садовник	5
Глава первая. В которой Тёмный Властелин таскает сумки	6
Глава вторая. В которой Марго решает, что садовника надо дрессировать	14
Глава третья. В которой Лена приносит чай и учит целоваться	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Садовник

Ян Анеж Садовник

Глава первая. В которой Тёмный Властелин таскает сумки

Портал открылся не туда.

Это было понятно сразу — по запаху. Не серы, не дыма, не страха. Асфальта и бензина. И ещё что-то сладкое, приторное — из открытого окна кафе через дорогу.

Он сделал шаг. Второй. Портал за спиной схлопнулся с тихим хлопком — как шампанское, которое он однажды пил в мире, где женщины танцуют с драконами.

И замер.

Он никогда не видел столько неба без облаков. Серое, давящее, бесконечное. И дома — каменные коробки, уходящие вверх, выше его самых высоких башен. В окнах — свет. Сотни, тысячи окон. Люди за ними — невидимые, но ощутимые.

Гул. Машины. Где-то сигналист такси. Женщина на скамейке говорит в чёрный прямоугольник — громко, зло, не оборачиваясь.

«Магия»? — подумал он. — «Нет. Не похоже».

Он прикрыл глаза, потянулся к эфиру — пусто. Абсолютно. Только слабые отголоски его собственного резерва, как капли воды в высохшем колодце.

«Плохо».

Тёмный Властелин, разрушитель миров, повелитель бесчисленных армий... оказался в мире без магии. В мире, где даже воздух пахнет чужеродно.

- Косяк — сказал он в слух. Он не испугался. Он — император.

Но внутри, там, глубоко, где-то под рёбрами, что-то сжалось. Маленькое, глупое, человеческое — то, что он давно похоронил под кирасами и коронами.

Сейчас его увидят. Оценят. Он знал, как выглядит со стороны: высокий, в длинном чёрном тяжёлом плаще, расшитом тусклым серебром по подолу, с высоким воротником, закрывающим пол-лица. Под плащом — кожаная броня, перетянутая ремнями, с сотней пряжек. Сапоги — выше колена, чёрные, с выбитой на голенищах чужеродной символикой.

В этом мире такие не ходят по парковкам. Он понял это по взглядам.

Из синей машины вышла женщина в коротком пальто, увидела его — и ускорила шаг, прижимая сумку к груди. Мужчина в бейсболке замер на полпути к кассе, открыл рот, потом достал телефон и начал снимать.

— Ты смотри, косплееры пошли, — сказал он кому-то в трубку. — Прямо сейчас бела дня.

«Он не понял слова «косплеер», но понял тон. Они меня не боятся. Они удивлены, но страха нет. Значит, в этом мире не убивают за странную одежду. И значит, здесь давно не видели настоящей угрозы».

Он выпрямил спину. Императоры не сутулятся перед толпой.

Охранник супермаркета, дядя Коля, пил кофе из пластикового стаканчика и смотрел в камеры. На четвёртом экране, у выхода из парковки, возникло что-то чёрное. Дядя Коля протёр глаза. Чёрное не исчезло. Оно двигалось.

— Твою ж мать, — сказал дядя Коля и нажал кнопку селектора. — Смена, у меня на четвёртом... не пойми что. То ли монах, то ли фокусник. В плаще. Весь в чёрном.

Из динамика раздался усталый голос сменщика:

— Коля, ты опять не спал? Это какой-то клоун из соседнего цирка. Закрывай давай, сейчас полицию вызовем.

Дядя Коля посмотрел, как чёрная фигура замерла посреди парковки, повертела головой — странно, будто не понимала, где находится, — а потом шагнула прямо под колёса «Мерседеса», который с визгом затормозил в сантиметре.

— Не клоун, — сказал дядя Коля и перекрестился. — Клоуны так не падают.

«Мерседес» объехал его, водитель высунулся, крикнул что-то злое. Игорь не ответил. Он смотрел на женщину, которая выходила из чёрной машины, припаркованной у входа в магазин.

Короткое пальто. Волосы собраны на затылке. Лицо — спокойное, хозяйское. Такие лица он видел у людей, которые привыкли отдавать приказы. А власть он узнавал всегда — даже в мирах, где магия не работала.

Она не заметила его. Захлопнула дверцу, достала из багажника тележку — серебристую, на колёсиках, — и покатила к магазину, не глядя по сторонам.

Он не пошёл за ней. Он просто смотрел, как она скрывается за стеклянными дверями, и остался стоять на парковке, не зная, куда идти.

Люди обходили его стороной. Кто-то спросил, не нужна ли помощь. Он не ответил. Кто-то сфотографировал его на телефон — он даже не повернул голову.

Он смотрел на асфальт, на трещины в нём, на то, как солнце отражается от луж, и вдруг увидел не это.

В небе кружились три огненных шара, они вращались медленно, тяжело вокруг своей оси, от них исходил жар — даже на расстоянии. Потом они пришли в движение и полетели, под ними бегали или ползали люди, какие-то лежали недвижимо, оружие мечи, копья, щиты, валялись без порядка, шары пролетали под драконами, алые, черные, зеленые, парящие в небе, другие драконы пикировали на землю, полевая ту огнем. Шары летели по дуге, огибая землю и под драконами, они летели к цитадели. Цитадель, когда то, совсем недавно, парила в небесах, это было мощное оружие защиты, но сейчас, один край цитадели уткнулся в землю, другая ее часть смотрела в воздух, она была как черепаха, упавшая на спину, без возможности перевернуться. Башни на цитадели были оплавлены, обожжены, где-то башен вообще не было, их разорвало, от огненных шаров. Некогда красивые окна, были разбиты, оплавлены, а кованые двери, были нещадно вынесены таранами. Вокруг цитадели, на земле много разных обломков, камней, дерева, поломанных людей. Шары, один за другим врезались в стены цитадели, разлетались яркими вспышками, разбрасывая вокруг лаву и стекая по стенам на мостовую.

На холме, стоит человек в чёрном плаще, чёрном доспехе, с короной и с светлым посохом, на вершине которого — красный камень. От камня расходится чёрно-красное, грязное свечение, он стоит и смотрит на павшую цитадель.

— Ваше величество, — сказал генерал за спиной. — Мы выиграли. Они бегут.

— Пусть бегут, цитадель уже не поднять. Пусть запомнят цену своего поражения. Это был их последний рубеж, теперь вы справитесь своими силами. Фельдмаршал, отдай приказ некромантам и чёрным магам, чтобы начали наводить порядок в этом мире. Если понадобится, можете здесь всё выжечь, а с Зилона запросить переселенцев, которые готовы осваивать новые территории. Через месяц жду первую поставку контрибуции. Я в столицу! - Не дожидаясь ответа, он повернулся на девяносто градусов, сделал посохом круговое движение, рассекая круг пополам. В воздухе с тихим гулом разверзся тёмно-зелёный портал, ведущий в самое сердце Империи, и правитель скрылся в нём, оставив фельдмаршала наедине с обречённым миром.

Тележка врезалась ему в ногу. Лёгкий удар — как камень, брошенный в сапог.

Он моргнул.

Парковка. Люди. Машины. Запах бензина и жареного лука из кафе. Женщина с удивлёнными глазами, которая что-то кричала ему, но он не слышал — звуки возвращались медленно, как после взрыва.

Он посмотрел вниз. Тележка. Бутылка вина на самом верху — от удара соскользнула с сумки и полетела ему в живот.

Он поймал её на лету. Быстро, бездумно, как ловят стрелу. Поставил на асфальт, рядом с колесом тележки.

А потом поднял глаза и посмотрел на женщину.

Она была чуть выше среднего, с прямой спиной, которая не гнулась даже после столкновения с тележкой. Тёмные волосы, с проседью у висков, собраны в низкий пучок — не для красоты, для удобства. Лицо — без лишней мягкости, но и без жестокости: морщинка между бровей выдавала привычку принимать решения быстрее, чем другие успевают спросить. Глаза — серые, внимательные, изучающие.

Она налетела на него на полном ходу, когда выкатывала тележку из магазина.

Не специально, конечно. Тележка просто... поехала. Сама. Колесо попало в выбоину на асфальте, она дёрнула ручку влево — и всё полетело к чертям.

Бутылка красного вина выскочила первой. За ней — пакет с яблоками. Потом банка оливок покатила по асфальту, буханка хлеба шлёпнулась на землю, и всё это довершил пакет с лимонами, который лопнул и разлетелся жёлтыми мячами по парковке.

А потом был он.

Высокий, широкоплечий, с лицом, которое привыкло к ветру и пыли, а не к утреннему кофе. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем принято, падали на глаза. На лице — лёгкая щетина, которая делала его старше, но не старее. Глаза — тёмные, без блеска, но с тем спокойствием, которое бывает у людей, видевших смерть и переставших её бояться. На плечи был накинут тяжёлый чёрный плащ, почти закрывавший лицо. Под ним угадывалась кираса — тёмная кожа, металлические вставки, следы от ударов на груди. Сапоги — выше колена, грубые, сбитые, с потёртостями на голенищах. Он не смотрел на неё с интересом — он смотрел сквозь неё, как будто видел что-то другое. Дым. Тьму. Армии.

— Осторожно!

Он не пошевелился. Тележка врезалась ему в ногу. Не сильно — но достаточно, чтобы он наконец моргнул.

— Твою мать, — выдохнула Ариадна. — Вы живой?

— Живой, — ответил он голосом, от которого у неё что-то ёкнуло внизу живота. Низкий, сухой, как камни, которые трутся друг об друга.

Она наклонилась поднимать продукты. Он — одновременно с ней. Их руки встретились на банке оливок. Его пальцы — длинные, холодные, с мозолями — накрыли её пальцы. Она подняла глаза.

На его руках она заметила кольца.

Одно — с тёмным, почти чёрным камнем, в глубине которого, казалось, двигался туман. Камень был оправлен в матовое серебро — без блеска, без гравировки, будто его носили не для красоты.

Второе — грубое, из металла с красноватым отливом, похожего на старую бронзу или медь, смешанную с чем-то более тёмным. Оно было тяжёлым, без камней, с едва заметными царапинами на поверхности.

Они не блестели, не привлекали внимания, но были слишком тяжёлыми, чтобы быть просто украшениями.

«Косплеер, — подумала Ариадна. — Из тех, кто тратит ползарплаты на фэнтезийные фестивали. Или сектант. Или и то, и другое. Но руки... у косплееров не бывает таких рук. У них бывают руки, которые держатмышь и пластиковый меч. А у этого — мозоли от меча. Или от плуга».

— Вы на конвенцию опоздали, — сказала она вместо «здравствуйте».

Он не понял. Только моргнул — медленно, как сова.

— Извините, — сказала она и подумала: «Какое странное слово. Я не извиняюсь. Я вообще не извиняюсь»!

— Ничего страшного, — сказал он. — Помочь?

Она кивнула. И почему-то не убрала руку.

Потом они собирали продукты. Молча. Он оказался очень аккуратным — складывал банки ровно, пакеты — по росту. Как солдат. Или как человек, который привык, что от порядка зависит жизнь. Потом они долго собирали рассыпавшиеся лимоны по парковке.

— Вы не местный, — сказала Ариадна, когда тележка снова была полной.

— Нет, — согласился он.

— Откуда?

Он помолчал. Посмотрел на небо — серое, бесконечное, чужое. Потом — на неё.

— Издалека.

— Турист?

— Беженец.

Она не поверила. Но не потому, что он врал — потому, что такие, как он, не бывают беженцами. Такие, как он, создают беженцев.

— Ищешь работу? — спросила она неожиданно для себя.

Он повернулся к ней всем телом. Медленно — так, будто каждое движение стоило ему усилия.

— Да. Я силён. Могу таскать. Копать. Смотреть за садом. — Пауза. — Без денег. Еда и угол.

Ариадна оперлась на тележку. Внимательно, по-хозяйски, оглядела его с ног до головы. Плащ — дорогой, но странный. Кожаный доспех, с какой-то гравировкой. Сапоги — как из музея. Руки — рабочие. Взгляд — нет.

— Ты вор? — спросила она прямо.

— Нет.

— Убийца?

Он усмехнулся. Это была не весёлая усмешка — скорее горькая, надломленная.

— Был. Очень давно. Но не здесь.

Ариадна молчала. Думала: «Садовник сбежал на прошлой неделе. Лена одна не справляется. Марго помогает, но она лучше умеет курить, чем полоть. А этот... этот хотя бы сумки таскает. И руки у него рабочие. Может, и розы не погубит».

Вслух сказала:

— Дотащите до машины. Поговорим.

Он взял сумки.

Тяжёлые. Чёрт, очень тяжёлые. Внутри что-то звенело — стекло, может быть, или металл. Он не спросил. Императоры не задают лишних вопросов.

Машина оказалась чёрной, блестящей, с мягкими сиденьями. Он замер перед ней, не зная, как открыть. Сумки так и держал в руках, как окаменевший.

— Дверь, — подсказала Ариадна. — Ручку потяните.

Он потянул. Не туда. Дёрнул сильнее — ручка осталась в руке.

— Боги, — выдохнула она. — Кто вы вообще?

— Я... — он запнулся. Врать? Сказать правду? Правду никто не примет. — С другого континента. У нас транспорт другой.

— Вижу.

Она открыла багажник сама. Пальцы у неё были тонкие, унизанные кольцами — не магическими, но красивыми. Он положил сумки, стараясь не смотреть на неё.

— Ариадна, — сказала женщина. — Меня зовут Ариадна.

— Импера... — он сглотнул. — Им... Игорь.

Имя выскочило из ниоткуда. Первое, не императорское. То, которым его никто не называл уже триста лет.

— Игорь, — повторила она. — Ладно. Садись в машину. Посмотрим, что ты умеешь, кроме как ломать ручки.

Он сел.

Пахло кожей, духами и ещё чем-то, от чего засосало под ложечкой — теплом. Женским теплом. Он не чувствовал этого много лет — потому что обычно женщины пахли страхом, ладаном и кровью.

— Пристегнись, — сказала Ариадна, не глядя.

— Что?

— Ремень. Слева от сиденья.

Он нашёл. Потянул. Ремень щёлкнул, зафиксировав его — тесно, непривычно.

Машина зарычала. И поехала.

Он вжался в сиденье.

«Это быстрее дракона, — подумал он. Вслух ничего не сказал. Только пальцы вцепились в сиденье так, что побелели костяшки.

Ариадна покосилась.

— Боишься скорости?

— Нет. Просто... непривычно.

Она усмехнулась. Первый раз за весь разговор.

— Ты забавный, Игорь. Расскажешь, откуда ты на самом деле?

— Может быть. Не сегодня.

— Хорошо. Не сегодня.

Дом оказался большим. Не замком — он видывал замки. Но уютным. Деревянные стены, плющ, сад — настоящий сад, с яблонями и клумбами. И пахло здесь иначе — землёй, травой, жизнью.

— Здесь живёшь. Я, не одна, — сказала Ариадна, паркуя машину. — Лена — домработница, помощница. Хорошая женщина. Не обижай её.

— Я не обижаю женщин, — ответил он слишком серьёзно.

Ариадна посмотрела на него. Долго. Внимательно.

— Верю. Почему-то верю.

Они вышли из машины. Он вдохнул — полной грудью, впервые за много лет.

— Так что, — Ариадна облокотилась на капот, скрестив руки. — Работа в саду? Будешь жить во флигеле. Еда — общая. Денег нет — так и быть, пока. Но если украдёшь — найду и убью. Я такое умею.

Он кивнул. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Я не ворую, госпожа.

— Госпожа? — она рассмеялась. Громко, открыто. — Не называй меня так. Просто Ариадна.

— Как скажешь, Ариадна.

Она пошла к дому. Он — за ней. Сумки — теперь в его руках.

Из дверей выбежала женщина помладше — в фартуке, с тряпкой в руках. Замерла, увидев его.

«Медведь, — подумала Лена. — Который случайно зашёл в дом и не знает, как выйти. И ещё на священника похож. И на бандита. И на нищего. И на короля. Как это можно сочетать в одном человеке?»

— Это Игорь, — бросила Ариадна на ходу. — Будет жить во флигеле. Поможет по саду. Лена, покажи ему комнату. И накорми. — Это Лена, будешь ей помогать.

Лена была невысокой, с мягкими чертами лица и руками, которые всегда были в движении — то тряпка, то чашка, то тесто. Волосы тёмные, чуть выющиеся, собранные в небрежный пучок, из которого то и дело выбивались пряди. Она не выглядела испуганной, скорее удив-

лённой — так удивляются люди, которые привыкли к порядку и вдруг видят что-то, что в этот порядок не вписывается.

Лена смотрела на него широко раскрытыми глазами. Он стоял в дверях, держа сумки так, будто это не продукты, а оружие, которое он привык носить. Пальцы сжимали ручки не для того, чтобы не уронить, а чтобы быть готовым к чему угодно. Она не знала, почему это бросилось ей в глаза, но что-то в этом жесте было не от мира сего. Потом посмотрела на Ариадну. Потом снова на него.

— Он... — начала было.

— Работник. Да. — Ариадна уже поднималась по лестнице, не оборачиваясь. — Ужин через час. Игорь, мой руки перед едой. Мы тут цивилизованные люди.

Он остался стоять посреди прихожей, сжимая сумки, которые забыл поставить на пол.

Лена подошла ближе.

— Ты... откуда такой взялся?

— Издалека, — ответил он. И вдруг, впервые за тысячу лет, Тёмный Властелин улыбнулся.

Не страшно. Не властно. Просто.

— У тебя очень чистый дом, Лена. И пахнет вкусно.

Она покраснела.

«А это уже интересно, — подумал он. — Она не бледнеет, не падает ниц, не убегает. Просто краснеет»

Лена накрыла на троих. Салат, курица в сливках, вино — то самое, итальянское, которое чуть не разбилось.

Игорь сидел на краю стула, выпрямив спину. Не как человек, который боится упасть — как тот, кто привык сидеть на троне. Лена поглядывала на него из-под ресниц, нарезая хлеб слишком аккуратно.

— Ты всегда так сидишь? — спросила Ариадна, наливая себе вина.

— Как?

— Как будто у тебя корона на голове.

Он чуть расслабил плечи. Но не до конца.

— Привычка.

— Снимай плащ. У нас не холодно.

Он помедлил. Расстегнул застёжку — сложную, с какими-то ремешками и крючками. Лена подалась вперёд, чтобы помочь, но он сделал это сам. Быстро. Почти магически.

Плащ упал на спинку стула.

Под ним оказалась кираса — тёмная кожа, усиленная стальными пластинами, перетянутая ремнями. На плечах — наплечники с чужеродной символикой. На груди — потёртости, царапины, следы от ударов мечом или чем-то пострашнее.

Лена поперхнулась хлебом. Ариадна замерла с вилок у рта.

— Это... — Лена не договорила.

— Защита, — спокойно сказал Игорь. — Я много путешествую. Привык к... тяжёлой одежде.

— Это не одежда, — Ариадна положила вилку. — Это доспех. Ты что, рыцарь?

— Бывший, — ответил он.

— А теперь?

— Садовник.

Ариадна смотрела на него долго. В её глазах смешалось — недоверие, любопытство, и где-то глубоко — страх. Такую женщину, как она, нельзя было испугать словами. Но доспех говорил сам за себя.

«Он либо псих, — подумала Ариадна, — либо действительно тот, за кого себя выдаёт. И то, и другое опасно».

— Ты не снимешь это? — спросила она.

— Нет, — он покачал головой. — Не здесь.

— Боишься, что украдут?

— Привык не снимать. Извините.

— Давайте ужинать.

Он взял курицу пальцами. Откусил. Закрыв глаза. Жевал медленно, будто пробовал не еду — а воспоминание.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Очень хорошо.

Лена покраснела. Ариадна налила ему вина.

— Пей. Это не отравка.

Он выпил залпом. Как воду. Не поморщился.

— Ты вообще кто? — не выдержала Лена. — Солдат? Космонавт? Пришелец?

Он посмотрел на неё. Впервые — по-настоящему, прямо, без прикрытия. И в этом взгляде было столько усталости, столько веков, столько чужих миров, что Лена захотела обнять его. Хотя он был вдвое больше неё и покрыт боевой бронёй.

— Устал, — сказал он. — Очень устал. Можно я поем и лягу?

— Да, — сказала Ариадна. — Конечно.

Он доел молча. Поднялся. Плащ надевать не стал — понёс в руке.

— Спасибо, — сказал он, глядя на Ариадну. — Вы очень добрая.

— Я не добрая, — ответила она. — Я любопытная. Иди спать, Игорь. Завтра поговорим.

Он ушёл. Лена смотрела ему вслед. Ариадна — в окно, где в сумерках мелькнула чёрная тень.

— Ты думаешь, он опасен? — спросила Лена шёпотом.

— Думаю, — сказала Ариадна, отпивая вино. — Очень. Но не для нас.

Ночь во флигеле

Флигель оказался маленьким, но чистым. Кровать, стол, окно в сад. Пахло сухой травой и деревом.

Игорь остался один.

Он снял кирасу — долго, привычно расстёгивая ремни, которые держали её на теле. Потом повесил её на стену. На гвоздь, который, наверное, когда-то держал старую картину.

Кираса висела на стене как напоминание: ты не садовник. Ты император. Даже здесь, в этом мире без магии, ты — тот, кто носит доспех.

Он сел на кровать, снял сапоги. Потёр переносицу.

— Ты попал в мир без магии, Игорь. Поздравляю.

Он поднял руку. Из пальцев вырвался слабый синий огонёк — маленький, жалкий, как спичка под дождём.

Запасов — на два слабых заклинания. Или на одно сильное. После этого — ноль.

Он сжал кулак. Огонёк погас.

Он знал, как восполнять магию. Через кровь. Через боль. Через удовольствие. Энергия, которая выделяется при сильных эмоциях — особенно во время близости.

Он не хотел причинять им боль и страдания.

Но без магии он — просто большой сильный мужчина. А ему нужно вернуться в империю.

Не сейчас...

Он лёг. Укрылся тонким одеялом. Закрыв глаза.

В саду кто-то шевельнулся. То ли ветка, то ли зверь. То ли Лена пришла проверить, не нужно ли ему чего.

Он не позвал. Не пошевелился. Спать.

Глава вторая. В которой Марго решает, что садовника надо дрессировать

Проснулся он от стука.

Кто-то колотил в дверь — требовательно, по-хозяйски.

— Вставай, работник! Солнце уже высоко!

Игорь сел на кровати, потёр лицо. Сон не шёл — он вообще почти не спал, ворочался, слушал, как скрипят половицы в доме, как Лена ходит по коридорам, как Ариадна разговаривает с кем-то по своему чёрному прямоугольнику.

Он встал, открыл дверь. За дверью стояла женщина, рыжая.

Шорты. На ней были короткие шорты — такие короткие, что казалось, она забыла их надеть. Ноги длинные, загорелые. Глаза — зелёные, наглые. Во рту — сигарета.

— О! — Сказала Марго, оглядывая его с ног до головы. — А Ариадна не говорила, что привезла такого. Я — Марго. Подруга дома. А ты — Игорь, который не знает, как пользоваться дверью в машине. Пойдём завтракать. И не смотри на меня так, у тебя слюна потечёт.

«Ну ничего себе, — подумала Марго. — Плечи — как у моего бывшего, только тот был козлом. А этот... этот хоть дверь открыл. И уши у него смешные. Красные. Или это мне показалось?»

Он не смотрел. Он просто... изучал. Новый мир. Новых женщин. Новую энергию, которая кипела в этой Марго так сильно, что он почти видел её — золотую, искрящуюся.

— Идём, — сказал он.

Марго усмехнулась и пошла впереди, покачивая бёдрами. Демонстративно. Он пошёл следом, держа спину прямой.

Но у дверей она остановилась, обернулась, оперлась плечом о косяк и сложила руки на груди.

— Так и пойдёшь? Или оденешься? Или ты в таком виде завтракать собрался? Я не против, но Лена точно упадёт в обморок.

— Я не знал, что надо одеваться.

— Ариадна тебе не говорила, что у нас дресс-код?

— Что такое дресс-код?

— То, что ты сейчас узнаешь. — Она кивнула на стул. — Давай, одевайся. Я посмотрю.

Он надел штаны. Кирасу. Накинул плащ.

Марго комментировала каждый шаг:

— А это что за броня? Ты её на помойке нашёл? Или в подвале у Ариадны откопал? Выглядит так, будто в ней кто-то уже умер.

— Это кираса. Она защищает грудь.

— От чего? От кофе? У нас не стреляют по утрам.

Он натянул сапоги.

— А это? Сапоги-ботфорты, прямо как у меня, только без каблучков. — Она прищурилась. — Ты что, решил, что мы тут на бал собираемся?

— Это удобно. Они не промокают.

— А плащ? Ты в нём как Дракула, который заблудился на пути к замку. Ты хоть понимаешь, что на улице двадцать градусов?

— В моём мире холоднее.

— Ага. — Она покачала головой, но не отвернулась. — А это что?

Он замешкался. На пальцах — кольца. Одно с чёрным камнем, внутри которого будто туман. Второе — красноватое, тяжёлое.

— Ух ты. — Марго шагнула ближе, заглянула. — Настоящий косплей. Или ты серьёзно их носишь?

— Я ношу их всегда.

— И они работают? — Она усмехнулась. — Не, не говори, я боюсь услышать ответ.

Он не ответил.

Когда он вышел из флигеля — в сапогах, в кирасе, в плаще, с кольцами на пальцах, — Марго посмотрела на него, усмехнулась и сказала:

— Садовник, тебя сейчас в музей сдадут, а не на работу. Пошли, блины есть.

На кухне Лена пекла блины. Ариадна пила кофе — впервые без строгого костюма, с распушенными волосами, и выглядела моложе на десять лет.

— Присаживайся, Игорь, — сказала она. — Сегодня покажу тебе сад. Заодно расскажешь, откуда ты на самом деле.

— А если не расскажу?

Она подняла глаза. Улыбнулась — краем губ.

— Тогда выгоню — Шучу. Расскажешь потом. Я терпеливая.

Марго хмыкнула, взяла блин, свернула трубочкой, макнула в сметану.

— Лично мне всё равно, откуда ты. Главное, чтобы посуду мыл и в саду говно за собакой убирал.

— У тебя есть собака? — спросил Игорь.

— Нет, — Марго оскалилась. — Это я про тебя.

Лена прыснула. Ариадна прикрыла глаза рукой.

А Игорь — Тёмный Властелин, повелитель миров, гроза армий — вдруг понял, что впервые за тысячу лет ему хорошо. Не потому, что он победил. А потому, что его послали убирать чужое говно.

После завтрака Марго схватила его за рукав и потащила в сад.

— Идём, садовник. Покажу тебе твой фронт работ.

Сад был большим, запущенным, но не диким. Чувствовалось, что за ним ухаживали — не постоянно, с перерывами. Грядки с клубникой, кусты черной и красной смородины, яблони — старые, с толстыми стволами, кое-где уже осыпавшиеся яблоки лежали на земле. В центре — розарий. Старые кусты, высокие, с толстыми стеблями, усыпанные бутонами.

Трава была высокой — местами по колено. Газонокосилка стояла в углу, заржавевшая, с забитым травой кожухом. Видно, до неё руки доходили редко.

— Это клубника, — сказала Марго, ткнув пальцем. — Её надо поливать, но не заливать, иначе сгниёт. И пропалывать, чтобы сорняки не душили.

— А это? — Игорь показал на розы.

— А это — Ариаднина гордость. Розы. Их не трогай, они у нас капризные. Если хочешь, можешь их поливать, но только вечером. Иначе сгорят на солнце.

Игорь подошёл к клубнике, нагнулся, провёл пальцем по листу.

— Она живая, — сказал он тихо.

— Клубника? — удивилась Марго.

— Да. Чувствуешь? Она дышит.

Марго принялась.

— Я чувствую только землю и удобрение.

— У вас странные чувства, — сказал Игорь и вырвал первый сорняк. Легко, как перышко.

Марго моргнула — корень был толщиной с палец и уходил глубоко в землю. Игорь вытащил его целиком, не сломав.

— Ты... сильный, — сказала она.

— Да.

— Ты всегда такой?

— Нет. Иногда злой. Но не на вас.

Он перешёл к розам. Осторожно, почти благоговейно, провёл ладонью по колючему стеблю. Роза качнулась, будто отвечая.

— Им нужна забота, — сказал он. — Не только полив. Им нужно, чтобы их видели и разговаривали.

Марго хотела сказать что-то язвительное, но не успела.

Розы засветились.

Сначала слабо, как будто кто-то включил внутри бутона маленькую лампочку. Потом ярче — голубым, мягким, неземным светом.

— Что это?! — выдохнула Марго.

Игорь убрал руку. Розы погасли.

Он снова коснулся — засветились снова.

— Это... — он замолчал, глядя на свои пальцы, на куст, на Марго. — Это я.

— Ты? — она отступила на шаг. — Ты их зажжёшь?

— Не знаю. Я просто... захотел, чтобы они чувствовали себя любимыми.

Марго смотрела на него, на розы, на его руки. Потом медленно закурила.

— Значит так, — сказала она, выпуская дым. — Ты человек, который не умеет открывать дверь машины, и у тебя из рук идёт голубой свет, которым ты зажигаешь розы. И ты — наш садовник.

— Да, — сказал Игорь.

— Иди сюда, садовник, — сказала она через плечо, не оборачиваясь. — Проверим, что ты ещё умеешь зажигать.

Она подошла к соседнему кусту, ткнула пальцем в бутон.

— А этот сможешь?

Игорь подошёл, коснулся. Роза засветилась. Золотом, а не голубым.

Марго затянулась сигаретой.

— А этот?

Он коснулся — загорелась красным.

— А клубника?

Он дотронулся до листа клубники. Тот засветился зелёным.

Марго потушила сигарету о подошву кеда.

— Ладно, — сказала она. — Ты — волшебник. Я поняла. Потом расскажешь Ариадне.

— А это что за джунгли? — спросил Игорь, показав на траву.

Марго проследила за его взглядом.

— Это газон. Вернее, то, что от него осталось. Ариадна купила газонокосилку, но никто не умеет ей пользоваться. Лена боится, я ленюсь, а Ариадна считает, что трава сама себя покосит.

Игорь подошёл к косилке. Посмотрел на неё, видел он такой инструмент впервые. Нагнулся, провёл пальцем по заржавевшему лезвию.

— Это — оружие? — спросил он.

— Это — косилка, — вздохнула Марго. — Она стрижёт траву. Если её завести.

Игорь дёрнул за шнур. Косилка чихнула, плюнула дымом и замолчала.

Он дёрнул ещё раз. Она завелась — с рыком, с треском, с запахом бензина. Он покатил её перед собой — и трава под ножами начала ложиться ровно, как под расчёску.

Марго смотрела на это с открытым ртом.

— Ты умеешь косить? — спросила она.

— Нет, — честно сказал Игорь, не останавливаясь. — Я умею завоёвывать миры. Но косить надо учиться. Это легко. Надо просто не бояться, что она тебя укусит.

— Косилка не кусается, — сказала Марго.

— Она рычит, — ответил Игорь. — Как маленький дракон.

Он толкнул косилку вперёд — и та, будто обидевшись, чихнула облаком сизого дыма, потом взревела и рванула с места, выкашивая ровную полосу, словно армия, идущая на врага. Трава летела в сторону, как брызги крови на поле боя.

И на мгновение он увидел берег. Тёмную воду. Лошадь, стоящую по колено в реке — чёрную, с длинной гривой, которая струилась как водоросли. Её глаза были пустыми, как вода в омуте, и в них не было ни злобы, ни страха.

Он знал, что это келпи. Водяной дух, который принимает облик лошади, чтобы заманить путников в воду и утащить на дно. Он охотится, чтобы выжить. Но не потому, что злой — потому что голодный.

Игорь не вынул меча. Он подошёл к воде, остановился в шаге от чёрной морды, поднял руку и щёлкнул пальцами. Короткая, почти неслышная искра пробежала по воздуху, зажглась в глазах келпи — и погасла.

— Я не враг, — сказал Игорь. — Ты просто голодный и одинокий. Пойдём со мной. Я буду кормить тебя тем, что ты любишь.

Келпи замер. Глаза, пустые и холодные, смотрели на него. Потом он шагнул вперёд, наклонил голову — и позволил дотронуться до своей мокрой морды. Игорь погладил его. Пальцы скользнули по влажной, холодной шерсти, келпи не двинулся. Он фыркнул, опустил голову, и шагнул обратно в воду. Но не исчез — просто отошёл, ожидая.

Он моргнул.

Трава. Косилка. Рыжая женщина, которая смотрит на него с открытым ртом.

— Ты... ты ей командуешь? — спросила она.

— Командую, — серьёзно ответил Игорь, не оборачиваясь. — Иногда.

— Она тебя слушается?

— Нет. Но я её не боюсь. Это главное.

Он прошёл ещё пару метров, затем остановился, с усилием повернул косилку, выключил — и в наступившей тишине вдруг сказал:

— В твоём мире всё рычит. Машины, косилки, вы. Даже розы молчат с угрозой.

Марго прищурилась.

— А ты боишься?

— Нет. — Он посмотрел на неё. — Я привык, что молчат только враги. А здесь... здесь даже трава умеет говорить. Она просто не знает других слов.

Трава под ногами хрустела, и в этом хрусте слышалось что-то живое: словно земля выдыхала.

Марго не нашлась, что ответить. Зато Лена, вышедшая на крыльцо с плюшками, крикнула:

— Игорь, ты какой-то дворник! Я обед приготовила, а ты косой машешь!

— Это не коса, это дракон, — сказал Игорь.

— Тогда накорми дракона!

Марго захохотала так, что чуть не выронила сигарету.

— Она тебя просто так не отпустит. Садовник-завоеватель.

Игорь взял косилку за рукоятку, развернул и покатил обратно, словно тащил захваченный трофей.

— Трава пока потерпит, — сказал Игорь, заталкивая косилку в угол сарая. — Но она запомнит.

— Кто? — спросила Марго.

— Косилка. — Он закрыл дверцу сарая, и та обиженно скрипнула.

На крыльце стояла Лена с подносом. На нём дымилась тарелка с картошкой, пахло жареным луком, зеленью и ещё чем-то неуловимо домашним.

— Обедать! — крикнула она. — Всё остынет!

Марго посмотрела на Игоря, Игорь — на неё.

— Ты как, — спросила она, — есть хочешь?

— Я император, — серьёзно ответил он. — Я хочу есть всегда.

И зашагал к дому, сбивая на ходу с сапог налипшие травинки.

Марго осталась на дорожке, глядя ему вслед. Потом медленно закурила и пробормотала в сторону:

— Боже, как же я люблю психов.

А в саду, там, где он прошёлся косилкой, трава, казалось, лежала ровнее, чем когда-либо.

И где-то среди кустов смородины раздался лёгкий, почти застенчивый звон.

Розы подмигивали ему в спину.

Обед ждал на столе.

После обеда все разошлись по делам. Ариадна ушла в кабинет — у неё там совещание. Лена мыла посуду и напевала что-то тихое, похожее на колыбельную. Марго устроилась на крыльце с книгой, но через пять минут заснула, уронив голову на раскрытые страницы. Игорь остался один. Он вышел в сад, обошёл его по периметру, как новую территорию. Потрогал кору яблони, послушал, как шуршат листья смородины, постоял у роз.

— Вы светитесь, — сказал он им шёпотом. — Это хорошо. Это значит, вы меня приняли.

Розы не ответили, но один бутон, самый маленький, чуть заметно качнулся, будто кивнул.

Он присел на корточки, сорвал травинку, сунул в рот — не потому, что хотел есть, а потому, что видел, как так делают люди в этом мире. Трава была горьковатой, с каким-то незнакомым привкусом.

— Дом, — сказал он тихо. — Странное слово.

Марго всхрипнула и проснулась, зевнула, и заметила Игоря сидящим на корточках у куста с травинкой в зубах. Она встала и подошла к нему.

— Ты что делаешь?

— Ничего.

— Ты выглядишь как человек, который потерял корону и теперь ищет её в земле.

— Я не ишу. Я слушаю.

— Кого?

— Землю.

— И что она говорит?

— Говорит, что ей нравится, как ты спишь на солнце. Ты храпишь.

Марго поперхнулась дымом.

— Я не храплю!

— Храпишь, — сказал Игорь, вставая и отряхивая колени. — Но тихо. Как котёнок.

Она хотела сказать что-то резкое, но не нашлась. Вместо этого она просто затушила сигарету и сказала: — Пойдём, император. Ужин скоро. Лена пирог печёт.

Вечер опустился на сад мягко, как одеяло. Розы светились синим, почти сонно, и в доме уже зажгли лампы, когда все собрались за столом.

Лена подала жаркое, картошку с зеленью и нарезанный хлеб. Марго, не дожидаясь остальных, налила себе вина. Ариадна сидела во главе стола — без ноутбука, с чистыми руками, в простой льняной блузке.

Игорь появился последним. Шаркал сапогами, в плаще, с доспехом, который за день нагрелся, намял плечи и вообще выглядел так, будто он не работал в саду, а участвовал в битве при Ватерлоо.

— Император, — сказала Марго, поднимая бокал. — Ты так и будешь в этом вакуумном скафандре ужинать? Или завтра планируешь пахать розы в кирасе?

Игорь опустился на стул. Металлические пряжки звякнули о деревянную спинку.

— Неудобно, — признался он.

— Неудобно? — Ариадна подняла бровь. — Ты проработал в этом весь день и только сейчас понял, что неудобно?

— Я привык носить его. Долго. Это — моя вторая кожа.

— Кожа, в которой ты паришься на жаре, — вставила Лена, пододвигая ему тарелку. — Я даже не представляю, как ты не сварился.

Игорь взял вилку, но вместо того, чтобы есть, задумчиво посмотрел на свой доспех.

— Я не думал о жаре. Думал о том, как это выглядит.

— Ты выглядишь, как будто сейчас подойдёт полиция и спросит разрешение на ношение исторического костюма в общественном месте. — хмыкнула Марго.

Ариадна покачала головой, допила вино и вдруг встала.

— Посидите, я сейчас.

Она вышла. За окном зашуршали кусты. Через пару минут она вернулась с чёрным пластиковым пакетом, который издавал характерный шуршащий звук новых, ещё не ношенных вещей.

Ариадна протянула пакет Игорю.

— Вот. Завтра оденешь это.

Он взял, заглянул внутрь. Там лежал рабочий комбинезон: Синие штаны на лямках — плотная ткань, с множеством карманов, Белая футболка, простая, хлопковая, и пара удобных кроссовок — таких, которые не надо шнуровать двадцать минут. Игорь перевел взгляд с комбинезона на Ариадну.

— И это... ты хочешь, чтобы я надел это?

— Утром, — сказала Ариадна с ледяной улыбкой. — Чтобы садовник выглядел как садовник. А не как тёмный властелин, который случайно сбежал из киностудии.

Марго фыркнула. Лена прикрыла рот ладонью.

Игорь долго смотрел на комбинезон, потом перевел взгляд на свои сапоги и плащ, потом снова — на одежду в пакете.

— Это не моё, — сказал он наконец.

— Это теперь твоё, — отрезала Ариадна. — Ты садовник. У нас дресс-код.

— У меня не было дресс-кода в империи, — сказал Игорь, поправляя наплечник.

— А у тебя была империя? — спросила Марго, скептически прищурившись.

— Была, то есть.

— И что, все твои подданные ходили в доспехах?

— Нет. Только я и мои генералы. И офицеры. И драконы.

— Драконы в доспехах?

— Только боевые, — невозмутимо ответил Игорь. — Транспортные — без.

Марго поставила бокал и посмотрела на него с тем выражением, с каким изучают неопознанный летающий объект.

— А кто у тебя там, в империи, занимается садом?

Игорь задумался.

— Мой сад... драконы вытапывали. Это было символично.

— Что-то я не пойму, — Марго обернулась к Ариадне. — Этот мужик и правда был императором, или он просто сбежал из загородной клиники?

Ариадна пожала плечами: — Сейчас он садовник. И твой сад, если что, он тоже будет вытапывать.

Марго вздохнула.

Игорь вздохнул, медленно и с достоинством, как император, подписывающий мирный договор с соседней державой. Он свернул комбинезон и положил рядом с собой.

— Хорошо. Завтра я надену это.

— И кроссовки, — добавила Ариадна.

— И кроссовки, — повторил он с такой интонацией, словно обещал сдать ядерный арсенал.

Марго подняла бокал.

— За новый облик, садовника.

— За наш сад, — сказала Лена.

— За империю, которая подождёт, — добавила Ариадна.

Игорь поднял свою кружку с чаем, которую ему налила Лена. И все чокнулись.

Глава третья. В которой Лена приносит чай и учит целоваться

Игорь проснулся на рассвете, когда в доме ещё было тихо. Сел на кровати, задумчиво глянул на комбинезон, который лежал на стуле.

Стал одеваться, сначала футболку. Потом — штаны на лямках. Лямки оказались длинными — пришлось затягивать. Потом — кроссовки. Они оказались удобными. Неожиданно удобными.

Он вышел из флигеля в новом облике. Прошёлся по дорожке. Движения стали легче, тише, доспех не звенел, трава больше не цеплялась за плащ.

— Как тебе? — спросила Лена, которая уже стояла у крыльца с кружкой кофе и протягивая ему вторую кружку.

Игорь взял кружку и посмотрел вниз на синие штаны, на белую футболку, на кроссовки.

— Мне нужна шляпа, — сказал он. — поднося кружку к лицу, вдохнул, запах был густым, чуть горьковатым, тёмным — как земля после дождя, но без влаги. Он сделал глоток. Горячо. Не обжигаяще, но так, что по горлу прошла тёплая волна. На языке — густота, которую он не смог сравнить ни с чем. Что-то среднее между дымом и шоколадом, с горькой нотой, которая не ухнула сразу, а оставалась, как послевкусие.

Лена улыбнулась:

— Шляпу я тебе подберу. Обещаю. Как кофе?

Он не ответил. Сделал ещё глоток. Этот — мягче. Или он привык.

— Это... странно, — сказал он наконец. — Сначала оно тебя бьёт. Как приказ. А потом — успокаивает. Как разрешение передохнуть.

— Так тебе нравится или нет?

— Я ещё не решил, — сказал он. — Мне нужно попробовать ещё несколько раз.

Лена закатила глаза и пошла в дом.

Он остался один стоя на крыльце, допивая кофе, который уже начал остывать. Он сделал последний глоток, поставил кружку на перила и шагнул в сад.

Трава под ногами была мокрой от росы, кроссовки оставляли тёмные следы. Он шёл не к дому — в сторону сарая. Не потому, что знал, куда идти. Потому что это было первое здание, которое он увидел, кроме дома.

Сарай оказался просторным, с высоким потолком и широкими воротами. Внутри пахло деревом, металлом, сухой травой и чуть-чуть машинным маслом. Свет просачивался через щели в стенах, рисуя на полу узкие золотые полосы. Он остановился у верстака. Провёл пальцем по лезвию стамески — острое. Хорошо. Здесь работают. Не для красоты, для дела. Потом он увидел косу-литовку.

Она висела на двух гвоздях, длинная, с изогнутым лезвием, — как оружие, которое ждёт своего часа. Он снял её, взвесил в руках. Она была лёгкой и опасной, как клинок, который остался в том мире. Он провёл пальцем по лезвию, проверяя заточку, и подумал: «Нужно будет тренироваться. Рано утром, чтобы тело не забыло, как держать меч». Повесил косу обратно, но запомнил, где она висит.

Он вышел из сарая и пошёл по тропинке, которая вела вглубь участка. Тропинка не была прямой — она огибала кусты, петляла между грядками.

Слева — смородина, чёрная и красная. Ягоды ещё не поспели, но он нагнулся и провёл пальцем по листу. И вдруг лист засветился — тёплым, золотистым светом, как будто внутри него зажглась искра. Он убрал руку — свет погас. Снова коснулся — загорелся опять. Он усмехнулся и пошёл дальше, оставляя за спиной тихое свечение. Дальше — клубника. Рядами,

аккуратно, с мульчей под кустами. Он провёл рукой над грядкой, не касаясь — и листья дрогнули, будто ответили на движение. Он не стал трогать — просто запомнил, где она растёт. За клубникой — яблони. Старые, корявые, с наростами на стволах. Он подошёл к одной из них, коснулся коры. Под пальцами мелькнул слабый голубой свет — и погас. Он не понял, что это значит, но запомнил. Дальше — малина. Дикая, неухоженная. Она лезла на дорожку, цеплялась за штанины. Он не обошёл её, а прошёл через неё, запоминая, где колется. За малиной был забор. Старый, деревянный, местами покосившийся. За ним — лес. Обычный, зелёный, не чёрный. Он постоял у забора, глядя на деревья, и вдруг понял, что не чувствует угрозы. Лес не дышал войной. Он пошёл обратно, но не по той же тропинке — по краю участка. За сараем он нашёл компостную кучу. Пахло землёй и перегноем. Он не понял, что это, но запомнил. Когда он вернулся к дому, солнце уже стояло высоко. Он сел на крыльцо, посмотрел на свои руки. На них была пыль, сок от малины, следы земли. Он не колдовал. Не воевал. Просто ходил и смотрел.

«Это твоя территория, — сказал он себе. — Новая». Он поднял кружку с перил — кофе остыл, но он всё равно сделал глоток. Горьковато, терпко, по-домашнему. И пошел в дом, по дороге прихватил Ленино ведро с водой.

Лена поправляла шторы в гостиной. Игорь проходил мимо с ведром воды. Она оступилась на стремянке — и он поймал её за талию. Не думая. Чисто рефлекторно.

Лена замерла.

Его руки были горячими. Нет, не так — обжигающими. Через тонкую ткань футболки она чувствовала каждый палец, каждую мозоль, каждую линию на его ладони. А он почувствовал энергию. Она хлынула в него — сладкая, тёплая, живая. Как первый глоток воды после недели в пустыне.

— Игорь, — выдохнула Лена. — Ты меня... отпустишь?

Он отпустил. Не сразу.

— Извини, — сказал он хрипло. — Ты упала бы.

— Я... да. Спасибо.

Она отошла на шаг. Прижала руки к груди, где всё ещё билось сердце.

— Ты горячий, — сказала она.

— Лена, это...

— Не то. Я имела в виду... твои руки. Очень горячие.

Он посмотрел на свои ладони. Они светились. Совсем чуть-чуть.

— Что это? — спросила она шёпотом.

— Ничего, — соврал он. — Просто... статика.

— Статика?

— Да. От ведра.

Лена посмотрела на ведро. Потом на него. Потом снова на ведро.

— Ведро пластиковое, Игорь.

— Да? — он моргнул. — Я не заметил.

Она фыркнула. И вдруг рассмеялась — громко, по-детски, заливисто.

— Ты врёшь как ребёнок! — сказала она. — И уши у тебя красные!

Он потрогал уши. Красные и горячие.

— Я не вру, — сказал он. — Я... ошибаюсь.

— Ошибается тот, кто не знает. А ты знаешь, что врёшь.

Она подошла ближе. Уже не боялась.

— Но знаешь что? Мне нравится.

— Что именно?

— Что ты врёшь. И что уши краснеют. И что руки горячие. И что ты спас клубнику от сорняков.

— Это была не клубника, — сказал он. — Это был... сорняк, похожий на клубнику. Я потом узнал.

Лена засмеялась снова. И он — впервые за много лет — улыбнулся. Не той каменной улыбкой императора, а настоящей — удивлённой, счастливой, неуклюжей.

— У тебя ямочки, — сказала Лена.

— Что?

— На щеках. Ямочки.

Он перестал улыбаться. Слишком быстро.

— Не надо, — сказал он тихо.

— Чего?

— Так на меня смотреть. Я... могу не сдержаться.

Лена не отвела взгляд. Прикусила губу.

— А ты попробуй, — сказала она.

И вышла из комнаты, оставив его с ведром, красными ушами и пониманием, что магия теперь точно начнёт возвращаться.

Лена прислонилась к стене в коридоре, прижала ладони к горящим щекам. «Что это было? — подумала она. — У него руки как раскалённые кочерги. И глаза... такие глаза бывают у людей, которые видели смерть. Или сами её приносили».

Он смотрел на свои светящиеся руки. «Глупая женщина, — подумал он. — Она не испугалась. Она засмеялась. В моём мире за такое, смеха не дожидаться. Может, здесь всё иначе? Может, здесь можно быть... слабым?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.